

Парагон справедливости

Стефано Грассини

То, как Ирина набросала план вечерней встречи небрежными, нечеткими мазками, до самого вечера так и продолжало нависать над Стефано большим вопросительным знаком. В голове у самой девушки, похоже, это все складывалось в одну грамотную цепочку строго логичных, четко вытекающих друг из друга действий, и персонально для нее этого было вполне достаточно. Стефано же, привыкший к тому, что одна маленькая неточность может дорого обойтись, не любил таких расплывчатых указаний, которые можно трактовать чересчур широко. Понятно, что конкретно в этом случае - то, где именно и насколько долго он будет ждать Ирину, особой роли не сыграет, но все же хотелось бы большей определенности.

Сперва юноша попытался во время ужина заметить Ирину в столовой и там узнать у нее что-нибудь более конкретно, наивно полагая, что найти девушку по огненно-рыжим волосам будет не слишком сложно - но по невыясненной причине жестоко просчитался в этом месте. Рыжие волосы заметить получалось, но при ближайшем рассмотрении то и дело оказывалось, что они принадлежат отнюдь не Ирине. Оставалось, видимо, только смириться с тем, что ничего более конкретного узнать не получится, перейти в режим ожидания и терпеливо дожидаться, когда девушка сама его найдет.

Наиболее очевидным и логичным решением юноше показалось подождать Ирину неподалеку от входа, там, где стояли ведра, с большой долей вероятности как раз для мытья посуды и используемые. Очень вряд ли девушка мимо них пройдет - с другой стороны, мимоходом подумал Стефано, мастер Алексиу тоже с выходом не разминется, и у нее вполне могут возникнуть справедливые вопросы. Но нет, ничего подобного не приключилось, обошлось без сложностей, и теперь оставалось только дожидаться в пустеющей столовой Ирину. При условии, конечно, что девушка вообще где-то здесь, потому что пока ее по-прежнему было не видно.

Ирина Рейн

Ирина самым дурацким образом успела как-то перестать рассчитывать на то, что на сегодняшнее штрафное дежурство у нее не просто есть напарник, а что этого мальчика-колокольчика она вообще-то сама построила и сама себе организовала. Отчасти потому, что в какой-то момент рыжая преисполнилась черных подозрений и решила, что парень не придет, смешается с толпой и слиняет из столовой после ужина, потому что ну кому нужна чужая головная боль. Поэтому Ирина сразу начала как-то пытаться управиться сама - и в том числе, очень быстро слиняла в погреб, чтобы утащить туда еду, которая сейчас осталась в котле, никем не востребованная, но вполне годная на то, чтобы быть подъеденной кем-нибудь позже. Естественно, пока рыжая болталась в погребе, Стефано никак не мог ее увидеть. А Ирина, пребывая в полной уверенности, что никуда-то она спешит, потому что там в столовой все равно все еще жрут, позволила себе пристально порассматривать, что еще там припасено на полках.

- Глазам своим не верю! Суслик, ты здесь! - умилилась Ирина, когда поднялась из погреба и обнаружила, что Стефано честно ждет ее у входа. Но рассыпаться в нежностях рыжая не успела, сразу принимаясь командовать: - Ну тогда давай, делай полезные дела! Вот видишь, там ведра прямо рядом с тобой? Нам в эти ведра

нужна вода. Воду люди набирают в ручье. Представляешь себе, где здесь ручей? Вот и чудно. Тогда можешь топтать трудиться, - небрежно помахала рукой Ирина. Самой рыжей по-хорошему тоже нужно было бы найти себе какое-нибудь занятие, чтобы не болтаться по помещению вхолостую, но Ирина запросто успокоила себя тем, что, во-первых, немного потрудиться она уже успела, а во-вторых, без воды сейчас все равно ничего толкового не придумаешь. Можно разве что попробовать тарелки с места на место поперекидывать, чисто чтобы руки занять, но толку-то с этого.

Стефано Грассини

Откуда Ирина вдруг вынырнула, подобная чертику из табакерки, Стефано понял не сразу. Для глаз в первый миг это выглядело вообще почти что дико: только что было пустое помещение, и как будто из ниоткуда в нем появляется девушка и немедленно заполняет всю комнату своими громкими восклицаниями. Только чуть позже, как следует присмотревшись, Стефано заметил в глубине столовой нечто похожее на уходящие вниз ступеньки - видимо, откуда-то оттуда Ирина и появилась, это выглядело единственным логичным объяснением. Рассмотреть бы, конечно, поближе и получше, но от самых дверей это сделать затруднительно, а рыжая немедленно выписала юноше поручение, предполагавшее, что дальше дверей он в ближайшее время и не продвинется.

- Где ручей - знаю, - подтвердил Стефано, запомнивший в монастыре едва ли не в первую очередь именно что ручей, как шикарный ориентир, тянувшийся почти через всю территорию монастыря, от которого можно было многое отмерить, высчитать и найти. - Ну, тогда я пошел в дело.

Идти до ручья было близко, да Стефано изначально и не предполагал, что на этом этапе у него могут возникнуть хоть какие-то проблемы. Даже просто придумать, что может во время этой короткой прогулки пойти катастрофически не так, было затруднительно, что уж говорить о возможности действительно нарваться на какие-то непреодолимые трудности. У ручья Стефано наполнил ведра и двинулся обратно, стараясь шагать как можно мягче, чтобы не расплескать по дороге половину воды. Ирина, конечно, ничего не говорила насчет того, насколько полные ведра ей требуются, но юноша был уверен, что не полупустые. Вновь на пороге столовой Стефано появился, ухитрившись сохранить ведра почти полностью полными, что было своего рода маленьким, но приятным достижением, и с улыбкой отчитался: - Доставку заказывала? Доставка прибыла. Куда прикажешь ставить?

Ирина Рейн

Когда Стефано - приятно покладистый, особенно на фоне девчонок-напарниц, на которых приходилось по десять раз орать, чтобы они наконец перестали козырять своим мнением и начали хоть что-то делать, - вышел из столовой, Ирина вдруг ощутила себя так, словно ее засунули в вакуум. Труд приложить пока некуда, поговорить пока тоже не с кем - да вообще заняться как-то нечем, хоть чего изобретай. Рыжая запрокинула голову, словно пытаясь прочитать какую-нибудь подсказку на потолке, и доходчиво объяснила висящему над ней светильнику: - Придется заняться симуляцией деятельности. Иначе я тут свихнусь от безделья. Симулируя деятельность, Ирина вцепилась в котел и принялась перетаскивать его по столовой. Остававшуюся в котле еду рыжая всю выгребла, когда перепрятывала ее в погреб в качестве заготовки для поздних едоков, но к стенкам котла все равно что-то там поприлипало, и поэтому его очевидно надо было мыть. Ирина

художественно занималась тем, что выбирала место, куда котел лучше приткнуть на помывку. Так ничего толком и не выбрала, решила, что где приткнется, там и радость, лишь бы не слишком далеко от горы тарелок, и примерно в это время в столовой снова объявился Стефано.

- Уже вернулся? Да сюда тащи, чего с ними тут церемонии разводить. И сюда вот воды плесни, эту посудину тоже отмыть надо, - сказала Ирина, красноречиво наклоня котел. Чуть внимательнее осмотрела двинувшегося к ней парня и вопросительно ткнула пальцем в его очевидно припухшую скулу: - Это у тебя что? Вопрос сорвался с языка раньше, чем Ирина успела этот болтливый язык прикусить, вспомнив, что это вообще-то она лично врезалась парню лбом в лицо. Свою-то бровь девица успела залечить у себя в комнате, в перерывах между попытками изложить историю соседке как можно ближе к действительности, и потому ухитрилась не сообразить, что Стефано, вполне возможно, пока не умеет с таинственным лицом потрогать синяк и свести его наложением рук, и что ему придется этот след побоища еще некоторое время носить на лице.

Стефано Грассини

Стефано пока все еще слабо представлял себе, как именно проходят дежурства в монастыре и есть ли какие-то жесткие правила, поэтому сейчас мог только доверчиво слушаться Ирину. И сдержанно удивляться некоторым ее выходкам - например, тому, что девушка обосновалась посреди столовой с котлом, который она же перед этим невесть откуда вытащила. Хотя в глубине души Стефано и сомневался, что целесообразно мыть котел на случайном участке пола, а еще ему казалось, что эти действия Ирины подтверждают: никаких жестких правил нет. Хоть на руках ходи всю дорогу, лишь бы в конечном итоге дело было сделано, а здание после этого не лежало в руинах.

Приблизившись к Ирине, одно ведро Стефано поставил на пол, а второе сперва приподнял обеими руками, чтобы перелить часть воды в котел, и только после этого тоже поставил. Все это время юноша непрерывно размышлял, как ему лучше ответить на странный вопрос Ирины. Отвечать "так ты же меня и ударила" явно было грубо, но и пропускать вопрос мимо ушей тоже было по-своему грубым. Стефано прикинул, что может лежать между этими крайностями и звучать как уместный ответ, и ограничился тем, что емко сказал: - Это? Шишка.

Судя по заматавшемуся взгляду Ирины, она и сама уже успела пожалеть о том, что задала этот вопрос, поэтому мягко его обогнуть было логичным вдвойне. Стефано тщетно искал на лице девушки следы рассечения, которое она унесла с собой из дикого парка, ничего и близко похожего не нашел, и на этом решил оборвать дальнейшее развитие неприятной ветки разговора. Самым простым вариантом было перебить тему, свернув обратно на наиболее насущную проблему. Стефано указал на ожидающую живительного труда посуду и спросил: - Как будем распределять фронт работ? Кто моет котел, а кто - тарелки? Ты бы над чем предпочла трудиться, что для тебя выглядит милее?

Ирина Рейн

- Ну да. Оно и выглядит как шишка, правда, - смущенно пробормотала Ирина, отводя взгляд и испытывая краткий укол благодарности за то, что Стефано не стал акцентировать внимание на этой ее ошибке. Ошибка-то была предостерегающая, чтобы ее избежать, надо было всего-навсего мозгом воспользоваться.

За предложенную ей новую, более сиюминутную и волнительную тему Ирина

ухватилась с огромным желанием - и сама бы поспешила замять скользкую тему, просто чуть-чуть не успела - и немедленно предложила следующее соглашение: - Давай ты начнешь с тарелок, а я с котла, и когда с ним закончу, тоже сяду за тарелки. Тут же немного должно быть, в котле-то. Чего его мыть, он один всего. Успею с тобой еще в одном ведре локтями потолкаться, - уверенно сказала рыжая. В ее представлении, вымыть котел - это было так, минутное развлечение. Разминка перед заходом на гору тарелок. Ирина под села поближе к котлу, плотно обхватила его длинными ногами, чтобы не вырывался, и принялась драить.

На практике, правда, немедленно оказалось, что рис, если предоставить его самому себе на некоторое время, может присохнуть к посудине довольно качественно. Если со дна котла не успевшие качественно высохнуть зернышки почти сразу смыло водой, то вот с верхними краями стенок Ирина мучилась куда дольше. Пускала в ход ногти, все равно в конечном итоге отдирала с превеликим трудом и с тоской поглядывала на Стефано - такими темпами присоединиться к помывке тарелок у рыжей должно было выйти не скоро. У парня же дела шли как-то не в пример бодрее, и Ирина, не сдержавшись, с отчетливым оттенком восхищения сказала: - Вот я на тебя смотрю, и у меня полное ощущение, что тебе даже как-то не впадлу всем этим заниматься. С тарелками возиться на кухне и все такое. Не впадлу же, я права? Блин, на месте наших девчонок я бы тебя немедленно оторвала себе в безраздельную собственность, уж больно ты похож на чистое золото. И куда только наши дуры смотрят.

Стефано Грассини

Предложенное Ириной разделение обязанностей - по меньшей мере, в том виде, в каком оно было сформулировано - показалось Стефано достаточно справедливым делением примерно поровну и на этом этапе не вызвало ни вопросов, ни нареканий. Возможно, уже потом, в ходе мытья посуды выяснится, что где-то скрывался подвох и на самом деле всё далеко не так радужно. Но пока что предложение девушки выглядело и звучало вполне приемлемо. Что Стефано и не замедлил подтвердить: - Хорошо, давай так. Согласен на тарелки, если ты действительно не бросишь меня с ними наедине.

Обилие тарелок не вызвало у юноши ни первобытного ужаса, ни немого вопроса о том, как теперь с ними обращаться. Ведер с водой очень удачно было два, и Стефано, не испытывая ни малейших угрызений совести и не вспоминая о том, что Ирине вполне может понадобиться ещё вода, на полную катушку пользовался обоими. В одном ведре тарелка оттиралась и отмывалась, пока юноша не соглашался признать её достаточно чистой, затем во втором ведре Стефано ополаскивал тарелку и ставил её на низкий столик рядом с собой. Тяжёлой эта работа не была, стопка чистой посуды на столике росла с приемлемой, не слишком медленной скоростью, так что весь вопрос заключался только в количестве тарелок.

- У меня нет никаких проблем с мытьем посуды. Это для меня не тяжело, и я не считаю это каким-то моральным насилием, если ты об этом, - ответил Стефано, стараясь понять и своими словами раскрыть то, что Ирина небрежно упаковала в одно использованное ею короткое, выразительное слово. Впрочем, возможно, его наполнение было совсем другим, это уж наверняка знала только сама девушка. Стефано принялся за очередную тарелку и дерзко предложил: - Так отрывай. Чего ж ты тянешь?

Стефано был уверен, что он абсолютно ничем не рискует. Весь этот разговор из уст Ирины казался ему несерьезным, чисто теоретическим. Да и вообще - наверняка

затейным для того только, чтобы хоть какая-то беседа шла.

Ирина Рейн

То есть как это - "отрывай"?

Ирина посмотрела на Стефано с удивленной задумчивостью - как если бы она привыкла всю жизнь видеть парня с одной головой, а тут у него вдруг из-за плеча вылезла вторая и маячит теперь, и никак с отбрасываемой тенью совпасть не хочет. Вот и это внезапное "отрывай" как раз произвело эффект второй головы, больно уж плохо оно помещалось в тот образ мальчика-колокольчика, в который Ирина успела уверовать. И несколько полных секунд рыжая на полном серьезе размышляла, поцеловать ей наглеца за такие слова или все же сунуть головой в ведро, - но быстро опомнилась и спохватилась. Вот еще. Нечего так серьезно к ребенку приглядываться.

- Суслик, так я же на своем месте! Мне на нем и как есть великолепно живется, - снисходительно отозвалась Ирина, энергичными жестами заканчивая отскребать котел. Лишний раз посмотрела на то, как Стефано нагло наложил руки на оба ведра сразу и возмущенно сказала: - То есть вот так хамская твоя физиономия водой пользуется? Ладно! Я и прогуляюсь, я не гордая, - и, волоча за собой котел, Ирина вышла из столовой.

На улице рыжая выплеснула из котла воду вперемешку с рисовыми зернышками, набрала чистой воды из ручья, прополоскала котел и опять все выплеснула. После этого можно было с чистой совестью сказать, что этот этап отработан, можно будет спокойно переходить к следующему. Пока же Ирина ходила туда-сюда, у нее было время на свежем воздухе еще раз мысленно прокрутить в голове их со Стефано диалог и чуть-чуть над ним подумать - думать долго даже не понадобилось, в столовую рыжая и так заявила оскорбленная и обиженная. Грохнула котел на пол, указала на Стефано пальцем и обвиняюще сказала: - Ты знал, паразит, да? Заранее ведь знал, что я от тебя откажусь?

А Ирина-то еще думала - что это он так смело и спокойно себя предлагает.

Стефано Грассини

Ирина отчётливо задумалась, но Стефано это ни на миг не смутило. Насколько юноша успел её понять, рыжая девушка была куда больше склонна к громким заявлениям, чем к столь же громким поступкам, и вряд ли должна была пойти до конца следом за случайно соскользнувшей с языка фразой. Стефано даже позволил себе улыбку, услышав, как Ирина мгновенно извернулась ужом и сменила позицию, - чего-то такого он и ожидал, неожиданностью для него это не стало.

- Ты сама посадила меня мыть тарелки. Я обращаюсь с водой так, как мне удобно, - невозмутимо парировал Стефано, опуская на самый верх стопки очередную чистую тарелку. Стопка уже успела угрожающе вырасти в размерах, и юноша подумывал о том, чтобы начать отстраивать рядом вторую такую же, пока все не завалилось.

Пока Ирина металась с котлом где-то вне столовой - как видно, ходила к ручью - Стефано успел прочно задуматься о том, насколько целесообразно её теперь подключать к мытью тарелок и насколько вообще поровну между ними распались обязанности. По всему выходило, что юноша и сам весьма неплохо справляется со своей частью задачи, и неизвестно даже, насколько ему поможет лишняя пара рук и поможет ли вообще. Стефано как раз успел склониться к мысли, что лучше дальше так и действовать самому, когда в столовой вновь объявилась Ирина, громкая и уже на что-то обиженная.

- Не знал. Но, в целом, догадывался, - признался Стефано, продолжая выстраивать из тарелок второе подобие Пизанской башни. - Мы с тобой знакомы всего-то хорошо если полдня, ты не можешь уже проникнуться ко мне такой нежностью. Так попросту не бывает. Слушай, ты не сделаешь мне одолжение? Можешь взять полотенце и вытереть то, что уже вымыто? - попросил Стефано, стремясь направить энергию Ирины в мирное русло, чтобы не получить себе на голову ещё один скандал, вроде того, что уже случился в диком парке. Два скандала в день, да ещё с участием одних и тех же действующих лиц - это уже чересчур.

Ирина Рейн

Ирина, после того, как слегка прооралась, успела остыть и прийти в себя настолько, что даже смогла спокойно оттащить чистый котел на причитающееся ему место, ничего больше не роняя и не швыряя. И даже успела развернуться и двинуться обратно, памятуя о том, что обещала тоже поплескаться руками в ведре с холодной водой. А потом мигом завелась по новой - Стефано, почти наверняка сам того не понимая, предложил Ирине вслух согласиться с тем, что она что-то там не может и ей что-то там слабо. На рыжую подобные предложения действовали так же, как на быка - мотыляющаяся перед носом яркая тряпка: непременно надо догнать, растоптать и изничтожить.

- Это я-то не могу? - свирепо уточнила Ирина, схватила полотенце и что было сил хлестнула им по подвернувшемуся рядом столику, с оглушительным шлепком. В самую суть высказывания Стефано рыжая вникла не сразу, в первый миг среагировав в основном на слово "не можешь" - но и когда слова юноши дошли до мозга целиком, ничего такого критичного Ирина в них не нашла, вроде ни на какую катастрофу подписаться не успела.

Вместо того, чтобы начать вытирать тарелки, Ирина оказавшееся у нее в руках полотенце петлей набросила Стефано на шею, намереваясь возникший между ними вопрос прояснить сейчас и немедленно, пока слова еще не подзатерлись в памяти и нельзя воспользоваться спасительной отмазкой "ты меня не так услышала". Потянув за края полотенца, рыжая притянула юношу к себе, почти коснулась лбом его лба и вкрадчиво уточнила: - Ну, я тебя слушаю. Выкладывай. Что я там, по-твоему, не могу, а?

Стефано Грассини

Когда Стефано сообразил, что слово "не можешь" тоже следует занести в список тех раздражителей, которые триггерят Ирину моментально и немедленно приводят в ярость, пытаться втянуть это слово обратно в себя и прикусить язык было уже трагически поздно. Потому что рыжая девушка уже всё услышала и на всё обиделась. Кажется, даже пропустив стадию "обдумать услышанное".

- Человеческим возможностям положен предел, - кротко сказал Стефано, надеясь этой очевидной телегой хоть сколько-нибудь притормозить Ирину. Практика немедленно показала, что очевидные телеги Ирина пропускает мимо ушей, особенно в те моменты, когда общемировая философия её деятельным рукам только мешает. Петлю из полотенца девушка сплела с поистине достойной восхищения скоростью - хорошо хоть, можно было успеть и восхититься, и продолжить разговор, потому что петля оказалась куда больше похожа на ошейник, чем на удушающий узел.

- Ну смотри, - миролюбиво начал Стефано, стараясь по возможности откинуть голову назад, потому что разговаривать с Ириной практически рот-в-рот ему

казалось странным и неудобным. - Я сказал, что полдня - это слишком маленький срок для того, чтобы начать испытывать к незнакомому до этого человеку нежность. Не снисходительную симпатию, а именно что нежность. Не только ты одна этого не можешь. Люди, мне кажется, обычно в массе своей редко способны на такое мгновенное, открытое доверие. Вот согласишься, сейчас твои действия и с огромной натяжкой назвать "нежностью" сложно, - заявил Стефано, которому петля из полотенца давила на шею отнюдь не ласковым образом. Чисто как натирающий ошейник, врезающийся в кожу.

Ирина Рейн

С полотенцем, там действительно получалась какая-то дичь и ересь. Стефано упирался и тащил назад, пытаясь отбрыкаться и вырваться, Ирина, в свою очередь, тоже упиралась и тащила на себя, чтобы держать человека поближе и подчеркивать тем самым важность разговора, - а в итоге, похоже, получалось, что они скоро совместными усилиями перепилят парню шею. Полотенцем. Дичь какая.

Свои мысли Стефано стал излагать, немедленно свалившись в те мутные, сложные полутона, в которых Ирина никогда не была сильна. Рыжая немедленно ощутила глухую тоску, предчувствуя, что вот щас она не уловит оглушительной разницы, не поймёт, в итоге мирно и полюбовно договориться не получится, и пойдет весь разговор псу под хвост. Ирина с досадой сказала: - Блин, сложный ты какой-то! Ну не умею я все вот эти твои нежности!

Что могло сойти сейчас за "нежность", Ирина представляла себе довольно расплывчато - вряд ли поцелуй над ведром с грязной посудой здесь пришёлся бы в тему, - но ей очень вовремя попалась на глаза припухшая щека Стефано. Разбираться с синяками рыжая могла, умела, была способна - и протянула руку, касаясь пальцами лица юноши. Синяк на скуле у Стефано зацвёл как-то странно, минуя лиловый и синий цвет, переходя сразу в желто-зеленый. Ирина осторожно, стараясь не давить сильно, потерла это место пальцами, втирая в синяк мягкую оранжевую энергию и разгоняя отек; потом, когда щеки у Стефано стали выглядеть симметрично, сменила энергию на жёлтую, убирая со смуглой кожи и некрасивый зеленушный цвет. Закончив с лечением, Ирина неловко клюнула Стефано губами в щеку, туда, где только что был синяк, и поспешила отодвинуться.

В вовремя оказавшиеся под руками тарелки рыжая вцепилась, как в спасательный круг. Ирина принялась вытирать посуду с такой энергией, словно пыталась заодно голыми руками её разломать. И, не поднимая глаз от тарелок и полотенца, нарочито небрежно спросила: - Ну как? Это было похоже на то, что надо?

Стефано Грассини

На лице Ирины очень быстро отразилась даже не работа мысли, а какая-то безнадежная совсем печаль, больше похожая не на неспособность, а именно что на нежелание понять. И словами рыжая девушка это только подтвердила - в словах легко улавливался скрытый посыл "отстань от меня, не груди мозг".

- Так ты и не пытаешься, - упрямо возразил Стефано, намеревавшийся всё же полноценно втянуть Ирину в эти рассуждения, в первую очередь - потому, что девушка сама о них попросила и сама подняла сложный, спорный вопрос. Стефано был бы и готов попытаться рассказать всё ещё раз, ещё проще - хотя вроде бы и в первый раз слова были выбраны не самые сложные и запутанные, - но то, как Ирина ловко прыгивала в сторону с помощью волшебной фразы "не умею", мешало просто продолжать говорить, сперва требовалось девушку поймать и по новой

привлечь её внимание. А в идеале, обойтись бы как-нибудь без слов, объяснить бы действиями, которые девушке были явно роднее, ближе и понятнее.

Сама Ирина уже действовала вовсю, словно сама успела забыть о своём только что прозвучавшем категоричном "не умею". Стефано ощутил странную щекотку под кожей, когда девушка принялась гладить его по щеке, - ещё так и не свыкнувшись до конца с присутствием в жизни магии, не умея мгновенно замечать её использование, юноша уже понимал, что жест Ирины призван быть чем-то большим, чем простое прикосновение. И неловкое касание губами стремилось быть таким же, больше чем просто жест, попытка продлить короткое ощущение волшебства.

- Это - да. Очень похоже, - машинально подтвердил Стефано, глядя на Ирину с удивлением. Девушка в эти мгновения так разительно отличалась от самой себя прежней, уже привычной, что вдруг показалась юноше совершенно другим человеком - с которым чертовски хотелось познакомиться как можно ближе, не ограничиваясь двумя беглыми жестами.

Ирина Рейн

Ирина вообще-то смиренно ждала чего-нибудь, похожего на жесткую отповедь. Мол, и дура ты, и "не умеешь - не берись", и куда ты лезешь с руками, и спросила бы сначала, как люди это правильно делают. Но так ничего похожего и не дождалась, и даже вновь осмелела достаточно для того, чтобы рискнуть поднять глаза. Поднять и тут же остро захотеть спрятать их вновь. Потому что Стефано смотрел на рыжую - да чёрт его знает, как это правильней описать, как на внезапное откровение, что ли. Или как будто видел впервые в жизни и кого-то очень красивого. Не привыкшая к такому отношению Ирина смущённо забегала глазами по сторонам, чувствуя, что сейчас позорно покраснеет, как малолетка дура-дурой, и тогда это будет полный финиш, - но услышала одобрительное "похоже" и немедленно, хоть и неосознанно, приложила максимум усилий к тому, чтобы всё испортить.

- Ну вот! А ты говорил - "не способна", "не способна", - фыркнула Ирина. И горделиво расправила плечи, чувствуя, что жизнь снова начинает приобретать привычные цвета и мотивы, без этих ваших заморочных нежностей. - Суслик, когда мне припечет, я способна на что угодно, впредь так и знай. Эй, ты чего замер? Тарелки сами себя не помогут, в вертикальную кому впадать некогда. Работай, негр, солнце уже совсем скрылось, а нам с тобой ещё до своих лачуг бежать. В муравейник не пустят! - поторопила Ирина. И, показывая пример, принялась со страшной скоростью вытирать остававшиеся мокрыми тарелки, только что язык не высывала от усердия. С высунутым языком, это, конечно, была бы зачетная картинка. У мальчика раз и навсегда умерло бы желание смотреть на Ирину восхищенными глазами - если, конечно, там ещё что-то такое до сих пор сохранилось.

Стефано Грассини

Пока Ирина отводила глаза, явно всем своим существом смущаясь оттого, что приходится делать что-то непривычное и смутно понятное и выглядеть из-за этого неловкой неумехой, она выглядела совсем не такой, какой Стефано уже успел привыкнуть её видеть. В рыжей девушке неожиданно проявилась своеобразная женственность - не изящная, а скорее угловатая, которой даже сама рыжая не понимала и с которой не знала что делать, и в этом было своё трогательное, но неоспоримое очарование. К такой Ирине начинало тянуть со страшной силой, такую Ирину хотелось расцеловать, чтобы она перестала смущаться того, что умеет быть

нежной и привлекательной, - и Стефано даже успел податься вперёд, наклоняясь к девушке.

А потом Ирина горделиво улыбнулась, затарахтела как пулемёт, и всё очарование мигом исчезло. Улетучилось, как дымка мимолетного видения.

- Прости. Уже не замер. Работаю, - ответил Стефано, разочарованно возвращаясь к дежурству и вновь принимаясь за тарелки. И оспорил: - В муравейник, положим, нас всё равно пустят. На амбарный замок его не закрывают - а даже если и да, так явно делают это не со всеми существующими входами. Но ты права, это всё равно не повод засиживаться. Ускоряюсь.

С последней партией тарелок "ускорившийся" юноша разобрался довольно бодро. Затем встал, поднял оба ведра и, перед тем как выйти, уточнил у Ирины: - Тебе потом ещё нужна будет моя помощь? После того, как я с вот этими двумя посудинами управлюсь?

Ирина Рейн

Хоть тарелки и сильно оттягивали на себя внимание Ирины, то, как странно дернулся Стефано - сперва вроде бы к ней, а потом вдруг резко от неё - девушка заметила сразу. И то, как изменилось лицо парня - тоже. Его, конечно, не перекосило жуткой гримасой, такого не было, но глаза у мальчика явственно потухли. А ведь сначала горели так, как будто он ещё чуть-чуть и влюбится.

- Не имею, знаешь ли, никакого желания влезать в муравейник через трубу! Что я, новогодний дед? - сердито сказала Ирина, заканчивая вытирать тарелки так же бодро, как Стефано заканчивал их мыть. - Или как там ещё можно внутрь попасть в обход дверей, через окно? Я всё думаю, что однажды нашим мастерам приспичит жёстко проконтролировать, чтобы точно никто после отбоя не шастал по улице, и они поналепят под окнами капканов. Медвежьих. Чтобы точно впредь неповадно было. Вот мы тогда попрыгаем, а? Нет уж, я так не хочу, уж спасибо большое. И вообще, может, я однажды тоже хочу мастером стать. Как я туда попаду-то, с загаженным личным делом? Оно уже и так не сверкающее, не сдалось мне саму себя добивать в глазах настоятеля.

Последнюю телегу Ирина задвинула уж так, для красоты, чтобы было что языком молоть. Если в мастера рыжая когда и собиралась, то оформлено в ней это желание было настолько смутно и неотчётливо, что его и за хвост ухватить было нельзя, и всплывало оно только в виде пустопорожного трепа.

На резво вскочившего с ведрами наперевес парня Ирина посмотрела с сомнением. И укоризненно сказала: - Не, ну ты хоть обратно-то загляни после того, как управишься! Посудины там вернуть, меня забрать. Я так думаю: ты обратно загляни, а там уж мы разберемся, нужно тут чего ещё или не нужно. Договорились? - И ещё у Ирины назрел к пареньку вопрос. Такой, не слишком сложный, который можно отложить на после дежурства, но и не слишком ждущий, который до завтра уже не дотянет. В общем, рыжей требовалось, чтобы Стефано ещё какое-то время был рядом и можно было его допрашивать и пытаться.

Стефано Грассини

- Ну уж нет. На деда ты никак не похожа, - сказал Стефано, чтобы ответить на долгий спич Ирины хоть чем-нибудь, пусть даже самым ерундовым словом - все прозвучит не так невежливо, как прозвучала бы глухая тишина, словно рыжая девушка зря тут распиналась. Прочие же слова Ирины юноша сдержанно принял к сведению, да и то не все. Например, страшилка про медвежьи капканы явно была из

раздела безудержных фантазий, верить в нее вряд ли стоило. Да и заявление о том, что Ирина хочет однажды стать мастером, тоже как-то больше тянуло на фантазию, чем на реальный, настоящий план на грядущую жизнь.

Да и вообще, если взвесить строго, то, пожалуй, вышло бы, что процентов девяносто их совместных рассуждений про муравейник было пустопорожним трепом. Просто чтобы занять время и чтобы не сидеть в угрюмом, недружественном молчании.

- Договорились. Ухожу, но обещаю вернуться, - кивнул Стефано, не уточняя, что казенный инвентарь он бы в любом случае не бросил на улице и не утащил к себе в комнату, чтобы по вечерам играть на них как на барабанах. На улице юноша, сам того не зная, ухитрился почти в точности повторить все те же действия, что до этого проделала с котлом Ирина. И уже с пустыми ведрами вернулся обратно в столовую, чтобы скоординировать с Ириной свою дальнейшую жизнь. Ведро юноша дисциплинированно вернул на то же место, где в самом начале дежурства их взял, на топчан возле самого входа. И, не услышав от Ирины сразу никаких указаний, сам спросил: - Так что - как мы с тобой дальше живем? На нас еще остались какие-нибудь обязанности или мы уже все выполнили и на сегодня можем быть свободны?

Ирина Рейн

Было бы желание - и к короткому ответу Стефано можно было бы прицепиться так злостно и качественно, что юноша десять раз пожалел бы, что вообще рот раскрыл. Но Ирина в данный момент острее всего ощущала желание смыться из столовой, потому что дежурство ей уже знатно осточертело. Поэтому рыжая только фыркнула, услышав, что на деда она не похожа. И коротко буркнула: - Вот спасибо. Утешил.

Пока Стефано прогуливался снаружи, Ирина, чувствуя, что она уже обеими ногами на финишной прямой и осталось только её преодолеть в последнем спринтерском рывке, успела энергично, хоть и халтурно вытереть оставшуюся посуду - нахватавшееся влаги полотенце со своей задачей уже справлялось плохо, и на тарелках оставались где менее, а где более отчетливые водяные разводы. Покончив с этим, рыжая расставила чистые тарелки по причитающим им местам, и как раз избавилась от последних, когда в столовой снова объявился Стефано, уже полностью справившийся со своей частью работы.

- Стой-нейди! Заканчиваю! - предупредительно крикнула Ирина, подхватила влажное полотенце, заметалась глазами по столовой, прикидывая, куда бы его деть, и остановилась взглядом на полках возле двери. В три мощных прыжка рыжая оказалась у двери, с умеренной коекакостью приткнула полотенце на полку и подытожила: - Вот. Теперь всё. Обязанности на сегодня кончились. Можем теперь валить. Предлагаю не задерживаться.

Поймав Стефано за локоть, Ирина протянула юношу прочь из столовой, вещая на ходу: - Суслик, меня умиляет твоя способность обобщать! Всего полдня знакомы - а у тебя уже "мы живём", "мы свободны". Особенно, конечно, меня здесь чарует "мы". Чарует и напрягает одновременно, - заявила Ирина. Примерно в этом месте девица вновь вспомнила про назревший у неё вопрос - и не придумала ничего умнее, чем вклеить пареньку прямо в лоб: - Ты почему лицом дергал?

Стефано Грассини

- Стою. Не хожу, - послушно согласился Стефано, которому и ещё какой-нибудь общественно полезной деятельностью заняться было бы не тяжело, что уж говорить о том, чтобы просто подержать плечом дверной косяк, пока Ирина заканчивает со

своими делами. Рыжая девушка расправилась с ними в рекордный срок и с рекордной же, кажется, небрежностью - а потом схватила Стефано за руку и поволекла за собой так решительно, словно без неё юноша заблудился бы сперва в четырёх стенах, а потом ещё и в трёх зданиях.

- Совместный труд сближает. И вообще, для меня я и ты превратились в отчетливое "мы" уже на моменте, когда я согласился помогать тебе на дежурстве, - пояснил Стефано, благоразумно проглатывая и оставляя при себе уточнение "которое вообще-то было назначено тебе одной". Вместо этого юноша счел возможным мягко спросить: - А ты что же, совсем не согласна так объединяться? Раз тебя это так напрягает?

Впрочем, не исключено, что Ирина просто чересчур запутанно и не вполне внятно выразила то, что хотела выразить - такое с ней, кажется, порой случалось. Последний вопрос рыжей девушки был как раз из таких: не совсем чётко оформленный в слова, а потому расплывчатый. Стефано недоуменно моргнул, соображая, что Ирина может иметь в виду под выражением "дергать лицом" и когда юноша мог успеть сделать нечто подобное, - и, так ни до одной приемлемой версии и не дойдя, вынужденно уточнил: - Прости, я тебя не понимаю. Ты сейчас о чём?

Ирина Рейн

Ирина уже успела привыкнуть, что Стефано являет собой довольно бойкое на язык трепло и всегда найдёт что брякнуть, даже любую коротенькую чухню, лишь бы только не молчать, потому что языку в глотке простаивать тяжело и душно. Примерно одновременно с этим рыжая усвоила, что парень старается по возможности избегать острых углов и не впутываться в ссоры, в отличие от самой Ри, которой бы только этих острых углов побольше найти да в каждый как можно качественнее влепиться башкой. Поэтому, когда Стефано вдруг заглох, нашаривая слова, а потом и вовсе решил упереться рогом и сыграть в непонятки, рыжая остановилась так резко, будто на столб налетела.

- Ну в смысле! - изумленно сказала Ирина, осматривая паренька с ног до головы как впервые встреченного. В интонациях рыжей отчётливо читался вопрос "ну ты ж такой покладистый был, сейчас-то вдруг чего началось?", но словами Ирина выразила совсем другое: - Да отлично ты понял, о чём я! Там, на дежурстве, когда над тарелками чахли. Ну хорошо, может, не лицом, может, *внутри* лица, - неохотно поправилась Ирина, тем самым признавая, что да, этот случай слишком тяжкий и мутный, чтобы к нему можно было так уж запросто подобрать слова. - Так чего тебя крючило так, будто я тебе ненароком сердце разбила?

Причём, судя по всему, разбила каким-нибудь ухватом или коромыслом, хорошим таким ударом с разворота, подумала Ирина, вновь зашагав в сторону жилых корпусов и потянув Стефано следом за собой. Шарахнула по волшебному фонарю и разбила вдребезги, к чертовой бабушке, одни только хрустальные осколки полетели во все стороны.

Стефано Грассини

Уточняющий вопрос, конечно, был не просто широкий, а непристойно широкий, получить по нему хорошую, полезную подсказку было сложно. Рыжая в этом месте могла двинуться уточнять себя в каком угодно направлении - и сперва она примерно это и сделала, остановившись на ровном счете ничего не объясняющем "да ты понял". Но после Ирина все-таки сумела ответить исключительно удачно, накинув те полтора уточнения, из которых Стефано смог точно понять, о чем идет речь, - а еще

не менее точно понять, что обсуждать это прямо и откровенно будет идеей дурной и неудачной. Потому что вряд ли здесь будет возможно сформулировать правду так, чтобы не обидеть рыжую девушку. Ее, кажется, вообще не обидеть сложно - она вся как сплошное минное поле, укомплектованное плотнее и запутаннее, чем в "Сапере", не знаешь, куда и сунуться, чтобы не взорваться на первом же шаге.

- А вдруг и правда, разбила? - наконец полушутя сказал Стефано, хватаясь за предложенные самой же Ириной слова, потому что очень уж удачно они легли на душу. Во-первых, в каком-то смысле это было не так уж далеко от правды и отчасти и впрямь описывало то, что ощутил Стефано, когда, по выражению рыжей девушки, "дергал лицом". Во-вторых, это позволяло ответить, не отвечая, и перебросить мяч вопроса обратно Ирине, вынуждая теперь уже ее вертеться и изыскивать наименее неудобный ответ среди всей плеяды неудобных ответов (хотя вряд ли, конечно, она этим озаботится). И в-третьих, стараниями девушки эти слова уже просто лежали на поверхности и выглядели жизнеспособно, оставалось их только взять и пустить в дело.

Ирина Рейн

То есть в каком это смысле - "правда, разбила"?

Ирина уставилась на Стефано с недюжинным подозрением в глазах, пытаясь понять, зачем вот эта конкретная фраза сейчас была мальчиком брякнута. Мозг упорно твердил, что рыжей кое-кто пытается втереть кое-какую дичь - но проблема этой дичи заключалась в том, что отчасти такое признание для Ирины как для девушки было очень даже лестно. И отчасти хотелось в это поверить, даже если это дичь дикая, концентрированная, неразбавленная, ни на сотую долю процента не истинная.

Запутанная этим желанием поверить и одновременно ощущением того, что можно пойти в наступление и начать опровергать, выводить на чистую воду и громить юношу по всем фронтам, Ирина в конечном итоге сделала нечто глубоко среднее. Не поверила, но и не стала опровергать, а заржала, дружелюбно ткнула Стефано локтем под ребра и почти ласково объяснила: - Суслик, не надо в меня влюбляться! Это ты дурное дело придумал. Я в качестве объекта любви - существо совсем неподходящее. Джульетта из меня негодящая выйдет. Так что ты давай, заканчивай с этой дурью. Найди себе какую-нибудь другую сеньориту для любви. Лучше в кудряшках. Кудряшки, они красивые.

Увидев перед собой ступеньки жилого корпуса, рыжая немедленно, даже не уточняя, живёт ли Стефано в этом же здании или где-нибудь в соседнем, бодро проскакала по ступенькам, на верхней развернулась и протянула парню ладонь для рукопожатия. Как бы всем своим видом намекая, что пришла пора прощаться на сегодня.

Стефано Грассини

То, что Ирину в конечном итоге эта дурацкая реплика, больше похожая на дешевую отмазку и на попытку спихнуть с себя неудобный вопрос, непостижимым образом устроила в качестве ответа, для Стефано явилось неожиданностью. Но неожиданностью, чего уж там притворяться, по-своему приятной. Юноше сейчас совершенно не хотелось впутываться в еще один тяжелый, скользкий разговор, чтобы превратить в четкую закономерность еще только-только начавшую складываться гипотезу: с Ириной серьезные разговоры подобного рода, о тонких материях, вообще проходят сложно и не сказать чтобы результативно. Так что это

очень даже удачно, что беседа скатилась в легкое, шутовское, ни к чему не обязывающее обсуждение.

- Договорились. Больше не буду в тебя влюбляться. Найду себе другую сеньориту для любви. Лучше всего блондинку. И чтобы была красивее и моложе тебя, - коварно пообещал Стефано и пожал протянутую ему в прощальном жесте ладонь Ирины. Про "моложе" с языка соскочило с языка как-то само собой, хотя возникнуть в этом споре вроде и не должно было - юноша, конечно, догадывался, что Ирина должна быть где-то года на два старше его, но не придавал этому особенного значения и уж тем более не планировал размахивать этим фактом как что-то там значащим аргументом. Но не пытаться же теперь втянуть слово обратно, в самом деле, все равно не получится.

Впрочем, Стефано был уверен, что Ирина в любом случае не промолчит и не позволит им так на этом и расстаться. Даже если бы юноша повторил ровно ее же слова, вплоть до последнего звука, ничего не меняя и ничего от себя не прибавляя, - ее, наверное, и это бы не устроило, она и туда рванула бы вносить свои коррективы.

Ирина Рейн

Стефано, в общем-то, угадал - там, где можно было сказать последнюю фразу, уйти и оставить поле боя за собой чисто потому, что собеседник уже не в силах ответить и продолжить спор с пустым местом, рыжая предпочитала так и делать.. Так что да, тут Ирина придралась бы даже к ее собственным отзеркаленным словам. А Стефано уж и вовсе расстарался, подсунул ей целое непаханное поле для продолжения спора. Практически любое слово выбирай и бомби туда не глядя, оно скорее всего будет подходящим для претензий.

- Чего-о? - грозно переспросила Ирина, придвигаясь ближе к Стефано и крепко сжимая его руку, чтобы парень не вздумал куда-нибудь деться. Еще несколько секунд рыжая размышляла, какое из сказанных пареньком слов все же бесит ее больше прочих и лучше остальных подходит для последнего, уничтожающего выстрела - но, так и не выбрав одно, смела в кучу их все и назидательно сказала: - Запомни, суслик! Нет на территории нашего монастыря такой молоденькой блондинки, у которой я не смогла бы тебя оторвать с руками и ногами, если вдруг захочу тебя, будь она хоть трижды красавица. Уяснил?

Если бы потенциальная блондинка в этот момент была здесь, она бы наверняка оказалась раздавлена и от бессилия распалась бы на плесень и липовый мед. Пока же Ирине оставалось устрашать воздух, и с этой задачей рыжая справилась отлично. Закончив толкать речь, девица на прощание коротко щелкнула Стефано по кончику смуглого носа и скрылась в жилом корпусе.

Ишь, блондинку он себе выдумал. Черт эдакий.
